

Е.П. Блаватская

"ТЕОСОФСКИЕ МАХАТМЫ" ("THE THEOSOPHICAL MAHATMAS")

С искренним и глубоким сожалением (хотя и без удивления, поскольку за долгие годы я смогла подготовиться к таким заявлениям) я прочла в рочестерском "Оккультном слове", издаваемом миссис Дж. Кейбл, преданным президентом Теософского общества в этом городе, ее редакционную статью, написанную совместно с м-ром У. Т. Брауном. Ее внезапное изменение чувств можно считать вполне естественным для женщины, поскольку у нее никогда не было таких возможностей, как у м-ра Брауна; и ее чувства, с которыми она пишет: "после большого желания ... вступить в контакт с теософскими махатмами мы пришли к заключению, что бесполезно пытаться достигнуть психическим взором Гималаев..." -- бесспорно разделяются многими теософами. Оправданы ли подобные жалобы, и кто в этом виноват, теософы или "махатмы", -- вопрос остается открытым. Этот вопрос был в подвешенном состоянии в течение нескольких лет, и его следует решить сейчас, поскольку двое жалующихся заявляют, поставив под этим свои подписи, что "мы (они) не должны следовать за восточными мистиками, *которые не могут подтвердить свою способность помочь нам*". Эта последняя часть предложения требует серьезного исследования. Я прошу дать мне возможность сделать несколько замечаний по этому поводу.

Скажем вначале, что тон всей статьи -- это тон настоящего *манифеста*. Сокращая и убирая библейские выражения, в изобилии встречающиеся в статье, ее можно свести к следующей декларации-парафразе: "Мы стучали в их дверь, и они не ответили нам; мы просили их о хлебе, они отказали нам даже в камне". Обвинение чрезвычайно тяжелое; тем не менее, это и несправедливо, и нечестно, -- вот то, что я собираюсь показать.

Поскольку я была первой в Соединенных Штатах, кто сделал достоянием общественности факт существования наших Учителей, и сделала доступным священные имена двух членов Братства, неизвестных до того в Европе и Америке (за исключением немногих мистиков и посвященных), но священных и почитаемых на всем Востоке и особенно в Индии, что привело к возникновению множества вульгарных спекуляций и насмешек вокруг этих святых имен и закончилось публичным осуждением, поэтому я полагаю, что моим долгом является опровержение уместности последнего путем объяснения всей ситуации в целом, ибо я чувствую себя главным обвиняемым. Может быть, это будет полезно для некоторых, и интересно для других.

Пусть никто не думает, однако, что я выступаю как защитник тех, кто, совершенно очевидно, не нуждается в защите. То, что я намереваюсь сделать, это просто представить *факты*, а после этого ситуация пусть будет оцениваться по существу. На ясное заявление наших братьев и сестер о том, что они "жили шелухой (чем-то внешним и несущественным)", "искали странных богов", не получая доступа к ним, я, в свою очередь, спросила бы столь же открыто: "Уверены ли вы, что стучали в правильную дверь? Уверены ли вы в том, что не утратили своего пути, *останавливаясь слишком часто во время путешествия у каких-то странных дверей, за которыми лежат в засаде злейшие враги тех, кого вы ищете?*" Наши УЧИТЕЛЯ -- это не "какой-нибудь ревнивый бог"; они просто святые смертные, и тем не менее более высокие, чем кто-либо в этом мире, в моральном, интеллектуальном и духовном отношениях. Сколь бы святыми и продвинутыми в науке мистерий они ни были, все же они люди, члены Братства, являющиеся первыми внутри него, кто показал себя находящимся на службе его освященным временем законам и правилам. И одно из первых правил этого Братства требует, чтобы те, кто начинает свое путешествие на Восток, под руководством и с

благословения тех, кто является хранителями этих мистерий, следовали бы только прямой дорогой, не останавливаясь на каждом повороте и не пытаясь примкнуть к другим "Учителям" и профессорам, принадлежащим часто Науке Левой Руки; они должны иметь доверие и быть терпеливыми, а также удовлетворять некоторым иным требованиям. Не обладая ни одним из этих качеств, какое право имеют те или иные мужчины или женщины взывать к обязанности Учителей помогать им?

Поистине "*Живущие на пороге* находятся внутри!"

Каждый теософ, став кандидатом в *челы*, или удостоившись чести быть избранным, должен сознавать неписанное взаимное обязательство, даже если не последовало официального заявления и признания обеих сторон, -- *подобное обязательство является священным*. Это -- узы на весь семилетний испытательный срок. Если в течение этого времени, невзирая на многие недостатки и ошибки кандидата, вполне естественные для человека (за исключением двух, о которых нет необходимости заявлять в печати), он остается во всех своих искушениях *верным избранному им Учителю*, или Учителям (в случае *мирских* кандидатов), то только тогда теософ будет посвящен в ... и с этих пор ему позволено сколько угодно общаться со своим *гуру*, и все его просчеты, кроме одного специально оговоренного, будут рассматриваться сквозь пальцы: они принадлежат его будущей *карме*, но оставлены в настоящем на усмотрение и суд Учителя. Он один лишь имеет власть судить, можно ли в течение этих долгих семи лет, несмотря на ошибки и прегрешения *челы*, позволить ему отдельные контакты с гуру, инициатива которых принадлежит либо ему, либо адепту. Последний находится в курсе всех причин и побуждений, которые приводят кандидата к греху совершения или несовершения какого-либо поступка, и является единственным, кто может оценить разумность или неразумность ободрения и поощрения ученика; поскольку только он имеет право на это, считая, что он сам находится под действием неумолимого закона кармы, которого не может избежать никто, от дикого зулуса до высшего из архангелов, -- и поэтому он должен быть в высшей степени ответственен за свои собственные поступки.

Таким образом, главное и единственное обязательное условие, требуемое от кандидата или челы в период испытания, -- это просто безусловная верность избранному Учителю и его целям. Это условие *sine quâ non* [совершенно необходимое]; и это, как я говорила, связано не с каким-либо с чувством зависти, а просто с тем обстоятельством, что если *магнетические отношения между обоими когда-нибудь разрушатся, то для их восстановления потребуется вдвое больше времени*; и кроме того, несправедливо и неразумно, чтобы Учитель тратил свои силы на тех, чье конечное дезертирство часто можно ясно предвидеть заранее. Сколь многие из тех, кто ожидая "одобрения заранее", как я это назвала бы, и будучи разочарованы в этом, обвиняют своих Учителей в эгоизме и несправедливости вместо того, чтобы скромно повторять *mea culpa* [моя вина]? Они способны по своей воле рвать нить, связывающую их с Учителем, десять раз за один год, и все же будут каждый раз надеяться, что все вернется к старому! Я знаю об одном теософе, -- разрешите мне не называть его имени, хотя я надеюсь, что он узнает себя сам, - - спокойном, интеллигентном молодом джентльмене, мистике по природе, который в своем неблагоприятном энтузиазме и нетерпении менял *Учителей* и свои взгляды примерно полдюжины раз менее чем за три года. Прежде всего он предложил себя, был принят для испытания и дал клятву ученичества; примерно через год после этого, он внезапно решил жениться, хотя к тому времени он имел несколько доказательств телесного присутствия своего Учителя и был удостоен нескольких поощрений. Оставив планы на женитьбу, он начал искать "Учителей" в других странах и стал фанатичным последователем розенкрейцеров; затем он вернулся к теософии в качестве христианского мистика; после этого пытался совершенствовать свой аскетизм, живя с женой; в конце

концов он оставил эту идею и превратился в спиритуалиста. И сейчас, решив еще раз попробовать, "чтобы его приняли назад как чела" (я имею его письмо), и не получив ответа от своего Учителя, он вообще отрекся от него и стал искать так же, как это сказано в вышеупомянутом манифесте, своего старого "Ессея-Учителя, и *испытывать* *духов* при помощи его имени". Талантливый и уважаемый редактор "Оккультного слова" и ее секретарь правы, они выбрали единственно верный путь, на котором с очень небольшим количеством слепой веры, они разумеется не встретят ни разочарований, ни обмана. "Для многих из нас приятно", -- говорят они, -- "подчиниться зову "Человека Скорбей", который никого не отправит назад, из-за того, что тот является недостойным или не набравшим определенный процент личных добродетелей". *Откуда* они это знают? Разве только они приняли ужасную по своему цинизму и весьма опасную догму протестантской церкви, которая учит прощению даже самого тяжкого преступления, если только убийца *искренне верит* в то, что кровь "Искупителя" спасет его в последний момент, -- что это, кроме *слепой*, далекой от философии, веры? Эмоциональность -- это *не* философия; и Будда посвятил свою долгую, полную самопожертвования, жизнь тому, чтобы спасти людей именно от этого *порожденного дьяволом* суеверия. Почему мы говорим сейчас, не переводя дыхания, о Будде? Учение о спасении благодаря личным добродетелям и самозабвению -- это краугольный камень в учении Господа Будды. Оба вышеупомянутых автора могли "искать *странных богов*", и скорее всего они так и делали, но это *не были наши* УЧИТЕЛЯ. Они "трижды отреклись от Него", а теперь, "с кровоточащими ступнями и изнеможенным духом" хотят "молиться, чтобы Он (Иисус) взял нас (их) еще раз под свое крыло", и так далее. Конечно, "Учитель из Назарета" пока еще делает им одолжение. Они все еще "живут *шелухой*" и в "слепой вере". Но в этом они являются самыми лучшими судьями, и никто в нашем Обществе не имеет права вмешиваться в их личные верования; но лишь небеса могут помочь в том, чтобы однажды они, будучи глубоко разочарованными, не превратились в наших злейших врагов.

И все же тем теософам, которым не нравится наше Общество в целом, никто никогда не давал каких-либо поспешных обещаний; тем более, ни Общество, ни его основатели никогда не предлагали своих "Учителей" как *премию за хорошее поведение*. Многие годы каждому новому члену говорилось, что *ему не обещают ничего*; он должен ожидать всего лишь от своих личных заслуг. Теософ полностью свободен и ничем не ограничен в своих поступках. Если он чем-то недоволен, он волен *alia tentanda via est* [искать другие пути], менее тяжелые и утомительные; и так до тех пор, пока он не будет готов принять на себя ученичество и не решится заслужить покровительство Учителя. Прежде всего к таким людям я обращаюсь сейчас с вопросом: а выполнили ли *вы* свои обязательства и обещания? Вы, которые охотно возложили бы всю вину на Общество и его Учителей (последние -- воплощение милосердия, терпимости, справедливости и вселенской любви), вели ли вы *подобающую жизнь*, которую должен вести человек, пожелавший стать кандидатом в ученики, и соблюдали ли вы все необходимые в таком случае требования? Пусть тот, кто чувствует в своем сердце и своей совести, что так оно и было, -- что он не совершал никаких серьезных проступков, никогда не сомневался в мудрости своего Учителя, никогда не искал *другого* Учителя, или Учителей, стремясь как можно быстрее сделаться оккультистом и овладеть оккультными силами; и что он никогда не изменял ни в помыслах, ни на деле своему теософскому долгу, -- пусть тот, говорю я, выйдет вперед и *протестует*. Он вправе делать это без всякого страха, поскольку не понесет за это никакого наказания и даже не получит ни единого упрека, если не считать того, что он будет исключен из Общества -- того самого, которое известно своими самыми широкими и либеральными взглядами, наиболее всеобъемлющего из всех известных и неизвестных Обществ. Я опасаясь, правда, что мое приглашение останется без ответа. Я знаю, что за одиннадцать лет существования Теософского общества из семидесяти двух принятых на испытательный срок полных чел и нескольких сотен *мирских* кандидатов всего лишь *трое*

до сих пор не утратили своего статуса, и *всего лишь один* из них достиг истинного успеха. Никто не вынуждает кого-либо идти в ученичество; никаких обещаний не дается, -- ничего, кроме того, что между Учителем и вероятным учеником существуют взаимные обязательства. Истинно, истинно, много есть званых, но мало избранных; или, точнее, мало тех, у кого есть достаточно терпения, чтобы пройти весь мучительно горький путь до конца, -- если можно выразить таким образом простую настойчивость и единство цели.

И что же сказать об Обществе в целом за пределами Индии? Кто из многих тысяч его членов ведет *истинную жизнь*? Может быть, так скажет тот, кто является вегетарианцем - *но таковы ведь слоны и коровы* -- или тот, кому случается быть холостым, хотя его бурная молодость шла совсем в другом направлении; или же тот, кто изучает "Бхагаватгиту" или "Философию йоги", *читая их вверх ногами*, но являются ли они истинными теософами, *живущими в соответствии с духом Учителей*? Как не сутана делает человека монахом, так и длинные волосы с поэтическим выражением лица недостаточны, чтобы превратить кого-либо в верующего последователя *божественной* Мудрости. Посмотрите вокруг себя и на так называемое ВСЕОБЩЕЕ Братство! Общество, созданное для того, чтобы исправить бросающееся в глаза зло христианства, чтобы избегать фанатизма и нетерпимости, ханжества и суеверия, для того, чтобы развивать истинную всеобщую любовь, простирающуюся вплоть до бессловесных тварей, -- во что превратилось это Общество в Европе и Америке за одиннадцать лет испытаний? Лишь в одном отношении нам удалось достичь успеха по сравнению с нашими христианскими братьями, которые, по красочному выражению Лоренса Олифанта, "убивают друг друга для пользы Братства и сражаются, как дьяволы, за любовь Бога"; успех состоит в том, что мы избавились от *любых догм* и пытаемся сейчас благоразумно избавиться от последних следов даже номинальной авторитарности. Но во всех других отношениях мы ничем не лучше их: злословие, клевета, немилосердие, критицизм, бесконечные призывы к войне, взаимные упреки, которыми мог бы гордиться сам христианский черт! И все это, надо полагать, вина Учителей? ОНИ не намерены при помощи пинков и скандалов помогать тем, кто помогает -- таким образом -- другим, идущим по пути спасения и освобождения от эгоизма. Поистине, *мы являем собой* пример для всего мира, и кто как не мы достойны составить компанию святым аскетам снежных гор!

Теперь несколько слов перед тем, как я закончу. Меня спросят: "И кто же Вы, чтобы находить у нас ошибки? Тот ли вы человек, кто имеет связь с Учителями и ежедневно получает Их одобрение? Являетесь ли Вы столь святой, никогда не ошибающейся и столь достойной?" На это я отвечаю: нет, не являюсь. Моя природа весьма несовершенна; у меня много бросающихся в глаза недостатков -- и потому моя карма тяжелее, чем у какого-либо другого теософа. *Это является* -- и так и должно быть -- мишенью для моих врагов, а также некоторых друзей, поскольку столько лет я чувствую себя прикованной к позорному столбу, и вряд ли в этом что-то можно изменить. И все же я *бодро* встречаю испытание. Почему? Потому что я знаю, что несмотря на все мои недостатки, я нахожусь под защитой Учителей. И если это так, то причина этого весьма проста: за тридцать пять лет и даже более, с 1851 года, когда я впервые увидела Учителя *во плоти* и лично, я *никогда не отрекалась от Него* и даже никогда не усомнилась в Нем, хотя бы и мысленно. Никогда никакая жалоба или ропот, направленный против Него, не срывались с моих уст, и ни на мгновение не возникали они в моем сознании даже при самых тяжелых испытаниях. С самого начала я понимала, чего следует ожидать, и о чем я уже говорила выше и что я не устаю повторять другим: как только кто-либо вступает на Путь, ведущий к *ашраму* благословенных Учителей, последних и единственных хранителей первичной Мудрости и Истины, -- с тех пор его карма обрушивается на него целиком и сокрушает его всем своим весом, вместо того чтобы быть равномерно распределенной в течение всей его жизни. Тот, кто верит в то, что он исповедует, и в своего Учителя, тот преодолет это

и выйдет победителем из всех испытаний; а тот, *кто сомневается*, кто проявляет малодушие и боится получить то, что ему причитается по заслугам, пытаясь избежать правосудия, тот терпит неудачу. Он все равно не сможет избежать кармы, но он утратит и то, ради чего он шел на риск преждевременной встречи с ней. Именно поэтому, хотя карма столь постоянно и беспощадно избивала меня, используя моих врагов как свое бессознательное оружие, я и смогла все это выдержать. Я чувствовала уверенность в том, что Учитель не позволил бы мне погибнуть, что Он всегда появился бы в *одинадцатый час*, -- *и так оно и было на самом деле*. Три раза я была спасена Им от смерти; последний раз почти против моей воли; тогда я опять вернулась в этот холодный, греховный мир от любви к Тому, кто научил меня всему, что я знаю, и сделал меня тем, чем я являюсь. Поэтому я совершаю Его работу и выполняю Его указания, и это дало мне львиную силу для того, чтобы выдержать сокрушительные удары -- физические и нравственные -- одного из которых было бы достаточно, чтобы погубить любого теософа, если бы он усомнился в могущественной защите. Преданность Тому, кто служит для меня олицетворением долга, и вера в коллективную Мудрость этого великого, мистического и все же реального Братства святых людей, -- это мое единственное достоинство и причина моего успеха в оккультной философии. И, повторяя сейчас вслед за *Парагуру* -- моего Учителя УЧИТЕЛЕЙ -- те слова, которые Он высказал в своем послании к тем, кто хотел бы превратить Общество в "клуб чудес", вместо того, чтобы сделать его Братством Мира, Любви и взаимной Помощи: "Уж лучше пусть прекратит свое существование Теософское общество, и его несчастные основатели останутся не у дел", и я добавляю к этому, -- пусть лучше пропадут двенадцать лет упорного труда и даже сама наша жизнь, чем свершится то, к чему сейчас намечается тенденция: теософы, преуспевающие на политических "рингах" в поисках личной власти и авторитета; теософы, критикующие и клеветующие друг на друга, как это могут делать только две соперничающие христианские секты; наконец, теософы, отказывающиеся вести *праведную жизнь* и вместо этого критикующие и стремящиеся опорочить величайших и благороднейших людей, потому лишь, что связанные своими мудрыми законами -- древними и основанными на многотысячелетнем опыте человечества -- эти Учителя отказываются взаимодействовать с кармой и быть на вторых ролях по отношению к любому теософу, взывающему к ним несмотря на свои собственные заслуги и прегрешения.

Если быстро не произойдут радикальные реформы в наших Американских и Европейских теософских обществах, -- я опасюсь, что вскоре на весь мир останется лишь один центр теософских обществ и теософии, а именно -- в Индии; к этой стране я возношу все молитвы моего сердца. Вся моя любовь и все мои устремления принадлежат моим возлюбленным братьям -- сынам древней Арьяварты -- родины моего УЧИТЕЛЯ.

"Путь", декабрь 1886 г.
